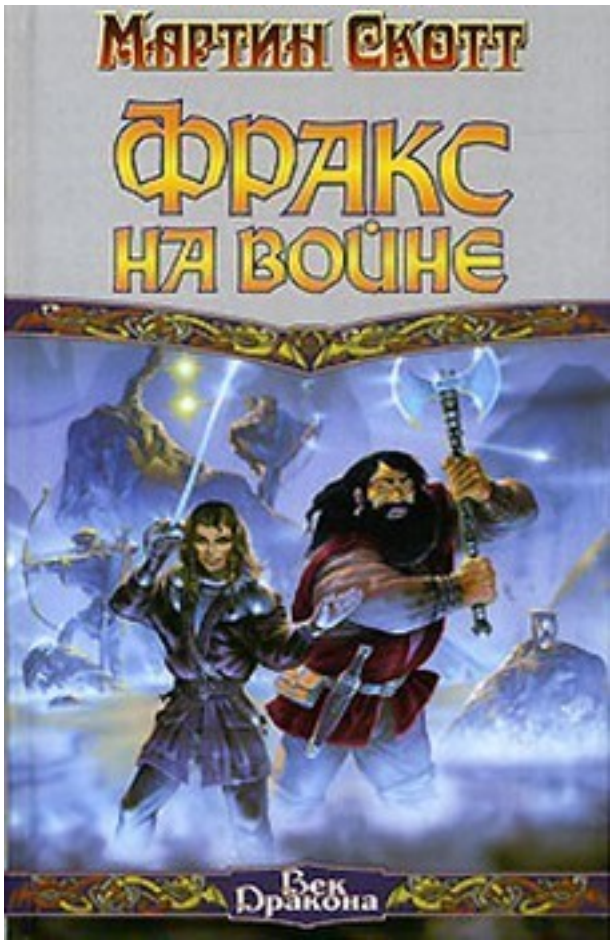
Мартин Скотт
Фракс на войне
Век Дракона

Фракс

Мартин Скотт

Фракс на войне

2003

Скотт М.

Фракс на войне / М. Скотт — 2003 — (Фракс)

Если в великом городе Турай вам хочется развлечься – заключайте сделки с эльфами, толкуйте с остроумными дельфинами, глазейте на драконов. А если в великом городе Турай у вас вдруг возникли проблемы – обратитесь ко мне! К самому пьющему, самому толстому, самому душевному частному волшебнику-детективу в славном городе Турай!Беда одна не приходит! Вот на славный город Турай идут две беды враз – зима (как ни крути, противно) и... армия орков! Опять! Меня, конечно, славят как героя Оркских войн, но, если честно, эта известность несколько преувеличена. И вообще я – гражданское лицо! Меня это не касается!!! Только – это я знаю, что «не касается». А министерство обороны придерживается совершенно другого мнения. Потому что убийство старшего советника при помощи пирога – явная диверсия орков. А кому поручено расследование? Тьма меня побери, угадайте!!!

© Скотт М., 2003

Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 8
Глава третья 13
Глава четвертая 18
Глава пятая 24
Глава шестая 29
Глава седьмая 32
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Мартин Скотт
Фракс на войне
(Фракс – 7)

Глава первая

Я сижу за стойкой в таверне «Секира мщения». В одной руке у меня кружка пива, в другой – палочка фазиса. Я сосредоточенно размышляю, стоит ли заказать стакан кли вместе со следующей кружкой пива. Непростое решение. В моей конторе наверху стоит целая бутылка этого напитка… Можно подождать, пока я попаду туда. Но ведь нет ничего лучше стакана кли, разбавленного свежим пивом Гурда. Поразмыслив над этой проблемой, я решаю довериться своему богатейшему опыту и взять себе кли и еще одно пиво.

Дандильон, тупая трактирщица, смотрит на меня так, будто собирается что-то сказать по поводу моего решения начать пьянствовать в такую рань. Я бросаю в ее сторону суровый взгляд. Меньше всего мне хочется, чтоб меня отчитывала Дандильон, девушка, которая в свободное от работы за стойкой время обычно валяется на пляже и болтает с дельфинами.

Я мрачнею. Эта таверна, похоже, и впрямь изживает себя. Приходится мириться с Макри, у которой характер не подарок, да еще выносить эту дуру Дандильон. Хуже всего, что повариха Танроз, кажется, не намерена возвращаться на работу. Я уже несколько недель не ел приличной еды. М-да, жизнь становится все хуже.

Гурд, хозяин таверны «Секира мщения» и мой лучший друг, сидит рядом. Я уже собрался было пожаловаться ему на плохих трактирщиц, да сдержался.

– Ты сейчас без работы, Фракс?

Я качаю головой.

– Дела идут неважно, и ты знаешь почему.

– Расследование?

Я киваю. Несколько месяцев назад меня обвинили в трусости перед лицом врага. Якобы я бросил свой щит на поле брани. Обвинение это относится к битве при Санасе, произошедшей семнадцать лет назад. Оно не имеет под собой абсолютно никаких оснований, и дело не должно доходить до суда. Тем более что обвиняемый храбро сражался за город. К несчастью, Турай не то место, где человека ценят за прошлые заслуги. Здесь честных людей стараются втоптать в грязь. Богатые и порочные процветают за счет бедных, но добродетельных.

– Дела у меня неважные.

– Никто не верит в это, Фракс.

– Может, и так, но я опорочен. Начинаю жалеть, что не убил Вадинекса, когда он выдвинул против меня обвинение. Тогда бы все очень быстро разрешилось.

– Ага, и сейчас тебе пришлось бы скрываться, – справедливо замечает Гурд.

Вадинекс сражался в битве при Санасе. До сих пор не могу понять, что понудило его нагородить такую ложь.

Последние несколько недель я собираю доказательства своей правоты, чтобы защищаться в суде. Многие мужчины, все еще живущие в Турае, принимали участие в этом сражении, однако нелегко найти тех, кто находился рядом со мной в тот миг, когда произошли события, вменяемые мне теперь в вину. Даже такому опытному мастеру сыскных дел, каким являюсь я, потребовалось немало усилий, чтобы найти старых товарищей. Пришлось изрядно порыскать по городу в жаркую и дождливую погоду сезона горячих дождей. Мне все же удалось отыскать несколько верных друзей, и теперь я почти уверен, что выиграю дело. Если только враги мои не

дадут крупную взятку, что не исключено в нашем городе. Коли такое случится, я убью своего обвинителя и покину здешние места. В любом случае Турай – не самый замечательный край.

У меня давно бы возникли проблемы с деньгами, если б не посещения стадиона Супербия, где я успешно играл на гонках колесниц. Я ставил на победителя гонок в честь Туроса, и мне в целом везло, так что в конце недели у меня уже имелась хорошая прибыль, а репутация игрока, подмоченная, когда я продулся в прошлом году, немного окрепла. Так ведь исход прошлогодних гонок определенно был предрешен заранее. Все знают, что в нормальных условиях Фракс так крупно не проигрывает.

Двери таверны распахиваются настежь. Раздаются грязные оркские ругательства, и появляется Макри. Оркская брань – табу в Турае и преследуется законом. Однако в плохом настроении Макри обычно прибегает к языку своей молодости. Она росла в лагере гладиаторов и в детстве наслушалась разнообразнейших оркских словечек.

Гурд хмуро смотрит на нее, Дандильон расстроена, однако Макри не обращает на них никакого внимания.

– Представляете, меня сейчас оскорбили на улице. Иду себе, думаю о своем, и вдруг какая-то скотина ни с того ни сего тычет в меня: «Глянь, костлявая оркская девка».

Макри подходит ко мне, забирает у меня палочку фазиса, прикуривает ее от свечи и делает глубокую затяжку.

– Ненавижу это место, – говорит она.

Макри – орк только на четверть, и все равно в городе, где все ненавидят орков, это сулит неприятности. Большинство людей в округе Двенадцати морей уже привыкли к ней, но на улице она порой все еще сталкивается с недоброжелательным отношением. Ни Гурд, ни я не спрашиваем Макри о том, что случилось после. Мы и так знаем.

– Так вы что, не хотите спросить меня о том, что было дальше? – вопрошает Макри.

Я потягиваю свое пиво.

– Позволь мне предположить. Незнакомец называет тебя костлявой оркской девкой, когда ты идешь по улице Совершенства. Как же ты реагируешь? Весело усмехаешься и проходишь мимо? Поздравляешь его с удачной фразой? Нет уж, дудки. Ты сбиваешь этого человека с ног и, приставив к его груди меч, сообщаешь, что в следующий раз покончишь с ним без всякой пощады.

Макри явно разочарована.

– Ну да, что-то в этом роде, – соглашается она. – Черт, ты испортил мой рассказ!

Макри не произносит больше ни слова. В последние недели ей не веселее, чем мне. И не только из-за сезона горячих дождей и неприязни к ливням. Даже теперь, когда к нам наконец пришла осень и климат Турая – что бывает редко – можно назвать сносным, она несчастлива. Нынешнее лето стало значимым в жизни Макри. Она достигла больших высот, получив высшие оценки в Колледже Гильдий, и перешла на последний курс лучшей студенткой. Однако лишь только улеглась эйфория, связанная с этим событием, девушка вспомнила, что ее первый роман преждевременно оборвался. Она встречалась с юным эльфом на острове Авула, а теперь этот эльф не желает ее видеть. До Авулы от Турая плыть несколько недель, но, по словам Макри, он мог бы хоть прислать ей послание. Так что в течение последнего месяца она грустна, как ниожская шлюха, и только расстраивает посетителей таверны.

Были времена, когда вид Макри в крошечном кольчужном бикини мог взбодрить самых суровых местных докеров. Фигура девушки, которой, по всеобщему признанию, нет равных во всем городе-государстве, была так хороша, что люди забывали обо всех предрассудках, связанных с происхождением Макри. Как говорит старик Паракс, сапожник, нельзя обвинять девушку с таким телосложением в наличии оркской крови. Да многие утверждали нечто подобное. И все же никакая фигура, пусть даже самая замечательная, не может извинить подавальщицу, которая чуть не швыряет стаканы на стол и смотрит на посетителя так, будто хочет ото-

рвать ему голову. Когда докеры, парусных дел мастера и прочие работники приходят в «Секиру мщения» после тяжелого трудового дня, они желают немного расслабиться, что весьма непросто, если Макри не в духе.

Она бросает мне небольшую сумку. Там лежат булочки из кондитерской Морикс, которая унаследовала дело от своей матери Минарикс после того, как Минарикс, к несчастью, приняла слишком много «дива». Роковая ошибка с ее стороны. Этот наркотик унес немало жизней в городе. На большинство покойников мне абсолютно наплевать, но я тоскую по своей любимой булочнице. Морикс не обладает умением своей матери и не так ловка у печи, хотя, надо отдать ей должное, старается изо всех сил и в последнее время делает большие успехи. Что меня радует. Пища в «Секире мщения» стала гораздо хуже. Не поддерживай меня эта булочная, я бы давно потерял форму. Я человек не маленький.

В «Секире мщения» недавно появилась новая повариха, женщина по имени Эльсиор. Готовит неплохо, однако не идет ни в какое сравнение с Танроз – та мастерица по части тушеной оленины. Так ведь, чертовка, бросила Гурда и живет с матерью в Пашише. Когда они с Гурдом не смогли разобраться в своих романтических делах – главной проблемой явилось то, что Гурд так и не смог стать романтиком, – я думал, это лишь временное явление. Привыкнув полностью полагаться на тушеное мясо, кондитерские изделия, пирожки и сладкое от Танроз, я не мог поверить, что она ушла надолго. Я даже зашел так далеко, что отправился навестить ее по сердечному вопросу Гурда, хотя это нелегко для человека, не привыкшего быть ходатаем по любовным делам. Визит мой не имел успеха, ибо Танроз все еще пребывала в обиде по поводу недовольства Гурда ее бухгалтерскими способностями и отказалась вернуться. Моя попытка объяснить, что это просто варварский способ показывать свою привязанность к любимому человеку, не дала никаких результатов. Танроз грустит в своем доме, а посетители «Секиры мщения» страдают без нее.

Я обошел весь мир с мечом в руках. Воевал с орками, с драконами и троллями. Видел своих друзей, разрубленных на куски, и города в пламени пожаров. Но ничто не сравнимо для меня со смертью Минарикс и уходом Танроз. Как же я мучаюсь и страдаю без этих женщин.

Гурд берет пиво из рук Дандильон, хотя он редко пьет во время рабочего дня. Ему сейчас тоже невесело. Уход Танроз стал для Гурда суровым ударом. Он пять лет не мог признаться ей в своих чувствах. В конце концов этот непокорный старый воин уже готов был сделать ей предложение, когда случилось такое несчастье. Гурд не тот человек, чтобы выражать свои тайные чувства, пусть даже и старейшему из верных друзей, но я вижу, как он страдает. На прошлой неделе я рассказывал группе наемников о нашей славной победе над ниожцами. Когда я взглянул на Гурда, ожидая, что он подтвердит мой правдивый рассказ, как мы вдвоем обратили в бегство целый эскадрон ниожских гвардейцев, тот сидел с отсутствующим выражением лица, бормоча, что дело происходило очень давно и он уже плохо помнит детали. Короче, совершенно испоганил мне выступление. Я был ошеломлен. Уж если Гурд не желает вспоминать старые армейские байки, значит, у него случилось что-то серьезное.

В общем, мы – Гурд, Макри и я – составляем довольно унылое трио. Я заказал себе еще пива. В данных обстоятельствах только и остается, что пить.

Глава вторая

Ближе к вечеру Гурд покидает свое место возле меня, чтобы обслуживать пьяниц, начинающих в больших количествах набиваться в таверну. Закончив работу в местных доках, на складах, в кузницах и кожевенных мастерских, многие из них не против взбодрить себя кружкой-другой пива, прежде чем отправиться домой, в продуваемые ветрами лачуги с худыми крышами. Их семьи ютятся в жалких двухкомнатных квартирках с плохим водоснабжением.

Каждый год король обещает улучшить условия жизни бедных обитателей Турая. То же самое сулит и консул, произнося блестящие речи в сенате. Наш префект Дриний разделяет их благие пожелания и гордится этим. Однако ничего не меняется. За последние двадцать лет Турай, безусловно, стал богаче, только вот богатство это не очень-то пошло на пользу обитателям округа Двенадцати морей.

Я взял две кружки пива и тушеное мясо в свою контору наверху. Еда вновь разочаровала меня. Вот Танроз – та умела готовить. У нее дар. Скорее даже призвание. А новая повариха никак не освоит искусство тушения оленины.

За окном шумит улица. Торговцы, пользуясь хорошей погодой, стараются продать как можно больше товаров, надеясь сколотить достаточный капитал, чтобы пережить суровую зиму. Через месяц придет зима. Еще один повод для тоски. Зима в Турае – настоящий ад. В этом смысле Макри права. Глупо было строить тут город. Хорошая гавань – это еще не все.

Раздается стук в дверь, ту самую, что выходит на лестницу, ведущую прямо на улицу. Открыть – не открыть? Надо бы все же открыть, вдруг это клиент? С другой стороны, я устал и прилично накачался пивом. Лучше бы поваляться на кушетке. Пусть обращаются со своими проблемами в Службу общественной охраны. Для того она и существует. Стук продолжается, и вслед за ним раздается громкий голос:

– Фракс, открой дверь. Дело государственной важности.

Я узнаю голос Хансия, помощника претора Цицерия. К несчастью, этого я не могу игнорировать. Я открываю дверь и с неприязнью смотрю на молодого человека.

– Чего тебе?

– Государственное дело.

– Ну и что?

Я впускаю его в комнату. Я ничего не имею против Хансия, за исключением того, что он молод, чисто выбрит и стремится к беззаботной жизни сенатора. Это мне в нем не нравится.

Хансий одет в официальную тогу. Он красивый молодой человек, и его зубы немного белее, чем у большинства жителей округа Двенадцати морей.

– Если Цицерий опять хочет нанять меня, скажи ему, что на этот раз он должен платить мне больше.

– Претор хорошо платил тебе за службу, – грубо отвечает Хансий.

Он быстрым взглядом окидывает беспорядок, который царит в моей комнате. Это раздражает меня.

– Хочешь пива?

– Нет.

– Тогда чего ты хочешь?

– Цицерий приказал мне вызвать тебя на собрание, которое состоится завтра.

– Извини, но в настоящее время я не расположен посещать собрания.

– Это официальный вызов, – заявляет Хансий, как бы ставя точку.

– А кормить там будут?

– Полагаю, продовольствие туда завезут.

– За мной пришлют карету?

Молодой Хансий обладает тактом и умением вести себя как дипломат. В качестве помощника претора он отточил свое политическое мастерство. Нынче в силу каких-то причин он проявляет признаки нетерпения.

– А своим ходом ты не можешь добраться?

– Конечно, могу. Будет ли Цицерий поддерживать обвинения против меня?

– Обвинения против тебя, Фракс, не имеют никакого отношения к кабинету претора. Ты сам прекрасно знаешь, что если есть заявление, то дело поступает в суд.

– Да уж знаю. И им плевать на то, что я сотни раз рисковал жизнью, сражаясь за этот вшивый городишко. Чего хочет от меня Цицерий?

– На собрании тебе все объяснят.

– На собрании? Там будут другие люди? Цицерий, случайно, не нанимает меня для того, чтобы прикрыть скандальное дело какого-нибудь своего дружка-взяточника?

Хансий хмурится, теперь уже я раздражаю его. У меня немного улучшается настроение.

– Собрание официальное. В кабинете консула.

– В кабинете консула?

Странно. Претор Цицерий иной раз вызывает меня к себе, если нуждается в помощи по делу, не подходящему для детективов высшего класса, которые работают в центре города, но простых граждан чрезвычайно редко приглашают в кабинет консула Калия, главного чиновника города-государства.

– Пожалуйста, будь там в полдень.

Устав препираться с крупным (по размерам) и злым детективом, Хансий поспешно уходит. Я направляюсь к кушетке, но, прежде чем успеваю улечься на нее, в комнату входит Макри.

– Сколько раз я говорил тебе, что нужно стучаться!

Макри пожимает плечами. Она, кажется не может привыкнуть к правилам хорошего тона и никогда не стучит в дверь. Ничего удивительного. Прожив два года в Турае, она даже не научилась готовить котлеты.

– Чего хотел Хансий?

Я беру со стола пустую тарелку и размахиваю ею.

– Видишь это тушеное мясо? Оно неудовлетворительно по всем пунктам. По вкусу, по качеству и по внешнему виду. Сплошные недостатки. А знаешь почему? Я скажу тебе почему. Потому что его готовила не Танроз. А почему она больше не занимается этим? Да потому что ты уговорила ее свалить!

Макри отказывается признаться в этом. Она утверждает, что всего лишь посоветовала Танроз побыть немного одной и хорошенько подумать о своих отношениях с Гурдом. Она не ожидала, что та вдруг соберется и уедет. В результате я крайне недоволен едой и проклинаю тот день, когда в совершенстве владеющая секирой варварка решила, что она вправе давать советы другим людям.

– Когда ты только перестанешь жаловаться? – протестует Макри. – Я тоже скучаю по Танроз. Меня доканывает, что вы с Гурдом пребываете в вечной тоске, точно ниожские шлюхи, а теперь я к тому же не могу обсудить…

Я поднимаю руку.

– Прошу тебя. Если дело касается физических отправлений женского организма, я ничего не хочу слушать. Никак не очухаюсь от прошлого нашего разговора.

– Отлично, – говорит Макри, присаживаясь на единственный стул. – Итак, чего же хочет Хансий?

Еще совсем недавно я ни с кем не стал бы обсуждать свои дела. Детективу следует быть сдержанным. Но около двух лет назад, когда в город приехала Макри, я незаметно для себя приобрел привычку рассказывать ей о своих проблемах. Макри умеет держать язык за зубами,

ей можно доверять, и, что самое главное, она такой искусный боец, каких еще не видел наш город. Много раз за последние два года я имел удовольствие драться с ней бок о бок. Не раз меч Макри выручал меня. Впрочем, я не собираюсь признаваться ей в этом. Макри постоянно хвастается своими гладиаторскими подвигами и не нуждается в поощрениях.

– Он вызвал меня на собрание в кабинет консула, что весьма необычно.

– Тебе что-то угрожает?

– Вполне возможно, но Хансий ни о чем таком не говорил.

– Может, они хотят предложить тебе какую-нибудь государственную должность? – предположила Макри.

– Сомневаюсь.

– Но ты ведь был трибуном.

Это верно. Я был трибуном. Формально я все еще остаюсь им. Прошлой зимой Цицерий назначил меня народным трибуном, чтобы придать мне государственный статус, необходимый для посещения Гильдии чародеев. У народного трибуна оказалось довольно много власти. Однажды я не позволил претору Капатию изгнать жильцов одного из домов в округе Двенадцати морей. Претор – один из самых богатых людей в Турае, и мой поступок ему не очень понравился.

Срок моего трибунства теперь уже почти подошел к концу, и я не могу сказать, что сожалею об этом. Должность сия не принесла мне большого богатства. Мне вообще ничего не платили, и, что бы я ни делал, все вело к неприятностям. Политические игры в этом городе весьма опасны, особенно для человека без мощной поддержки. В последнее время я не пользовался полномочиями трибуна и не собираюсь.

– Мне скучно, – заявила Макри.

– Еще бы, ведь ты страдаешь из-за эльфа.

– Да, я страдаю из-за эльфа, но мне еще и скучно. Колледж на неделю закрыли. Какой-то глупый праздник. На кой им нужны праздники?

– Возможно, чтобы отдохнуть от тебя. У тебя что, нет книг или свитков, чтобы почитать?

– Я уже все прочитала и выучила.

В плане учебы Макри давно уже обогнала других студентов. Энергия этой женщины порой просто пугает меня. Она читает свитки, ходит в Имперскую библиотеку, посещает лекции в Имперском университете и еще посменно работает в «Секире мщения», чтобы платить за свое обучение. А в свободное от работы и учебы время упражняется с разным оружием. Каждый день в определенный час во дворе таверны раздается страшный грохот – это Макри разделывается с мишенями при помощи своей коллекции мечей, секир, ножей, звездочек и что там у нее ещё хранится в оружейном сундуке. Для женщины, которая проявляет странный интерес к какому-нибудь скучному древнеэльфийскому драматургу, она весьма неплохо владеет оружием.

Разумеется, я и сам в юности был отличный боец. Но мне вовсе не обязательно было тренироваться все свободное время. У меня врожденный талант.

– Нет ли у тебя на примете каких-нибудь преступников, на которых я могла бы напасть?

– Ну, они ведь должны сначала совершить преступление, Макри. А в этом деле в данный момент наблюдается затишье.

– Хочешь опять отправиться на Поляну Фей? – неожиданно спрашивает Макри.

– Туда долго добираться.

Мы с Макри однажды посетили Поляну Фей, но с той поры у нас не имелось повода ездить туда. Макри вздыхает. Ей там понравилось, и волшебные существа поляны тоже вроде бы полюбили ее, хотя ни одно создание с оркской кровью не должно появляться в этом месте. Феи просто облепили Макри, а еще ей пришлось чуть ли не драться с похотливыми кентаврами.

Макри мрачнеет.

– Я сейчас не могу отлучаться из таверны. Мне нужны деньги, чтобы оплачивать посещение библиотеки. Знаешь, когда я перебила всех этих орков и убежала в Турай, чтобы получить здесь образование, я не думала, что за него придется так много платить.

Верно, Турай славится своими учебными заведениями, но почти все студенты – дети представителей высших классов, чьи отцы могут позволить себе оплачивать обучение чад в Имперском университете. Колледж Гильдий, который посещает Макри, не так дорог, и Федерация Гильдий оказывает студентам некоторую помощь. Тем не менее почти все студенты являются детьми относительно богатых членов Гильдий – купцов, золотых дел мастеров, стекольщиков и тому подобных. Не думаю, чтобы там учился еще кто-нибудь, лично оплачивающий свое обучение, как это делает Макри.

– Может, стоит просто прогуляться за городскими стенами. Хочешь пойти со мной?

Меня так озадачивает мысль о прогулке за стенами города без всякой на то причины, что я затрудняюсь дать немедленный ответ. Макри объясняет, что хочет сменить обстановку.

– Не могли бы мы просто посмотреть на Поляну Фей?

– Ты имеешь в виду – посредством волшебства?

Я качаю головой. Хороший маг вроде Лисутариды способен без особого труда открыть окно для наблюдения за Поляной Фей, но мои собственные магические силы в последнее время настолько ослабли, что на это потребуется огромная затрата энергии.

– Похоже, придется обойтись фазисом, – вздыхает Макри, зажигая одну из моих палочек.

Я наливаю ей немного пива, а затем передаю стакан кли.

Потом начинаю расставлять фигурки на игральной доске ниарит. Это хитрая игра, предполагающая умение и особое стратегическое чувство. Макри, несмотря на ее хваленую ученость и высокий интеллект, никогда не обыгрывала меня в ниарит. Я ведь неоспоримый чемпион в округе Двенадцати морей и в свое время обыгрывал лордов, дам, философов, магов и всех тех, кто имел глупость сесть играть со мной. Я делаю большой глоток огненного напитка и готовлюсь к пешей атаке при поддержке слонов, которая сметет силы Макри с игральной доски.

– На сей раз ты покойник, – бормочет Макри и передвигает фигуру Героя, быстро вводя его в игру.

Макри вся дрожит, огненное зелье обжигает ей горло. Это высококачественный напиток, производимый монахами, живущими в горах. Я разрешаю ее Герою продвигаться по доске, притворно отводя свои войска назад, даже не вводя в игру Арфиста, чтобы поднять мораль на передовой. Макри посылает тяжелую кавалерию на мой правый фланг, намереваясь, как я полагаю, взять меня в клещи. Бедная Макри. Может, она и первая на колеснице с мечом в руке и самая умная студентка Колледжа Гильдий, но ей еще многому предстоит научиться в деле искусства войны. Менее чем через полчаса девушка мрачно взирает на остатки своей армии, которые теперь поспешно отступают под натиском моих слонов, пехоты и легкой кавалерии. Сейчас они усыпали всю доску, ведомые непобедимым Фраксом.

Верная себе Макри отказывается сдаваться и играет до самого горького конца. Мои войска устанавливают осадную башню возле ее замка, карабкаются вверх по лестницам, убивают всех, кого видят, и разворачивают знамя победы.

Макри в негодовании гасит свою палочку.

– Почему ты всегда побеждаешь?

– Я умнее тебя.

– Как же, умнее. Просто дольше играл в эту игру.

Макри всегда изрекает эти слова, обычно сопровождая их гневным взглядам, а порой и обвинениями в надувательстве. Она страшно не любит проигрывать. Я спрашиваю, не хочет ли она сыграть еще раз. Макри качает головой.

– Мне нужно идти.

– Идти? Но куда?

– Я веду класс. Я удивлен.

– В колледже?

– Нет, там мне не разрешили бы преподавать. Не потому что я бы не смогла. Мой эльфийский язык гораздо лучше, чем у некоторых профессоров. Я хожу в булочную Морикс, чтобы учить женщин читать.

Я в недоумении. Макри объясняет, что ее попросила обучить грамоте женщин округа организатор местного отделения Ассоциации благородных дам.

– Я и не знал, что у тебя есть программа обучения.

Макри улавливает в моем голосе неодобрительные нотки.

– Считаешь, это плохая идея?

– Вовсе нет. Идея отличная. Если бы только занимался этим кто-то другой.

– А где ты возьмешь другого?

Тут Макри права. Очень немногие женщины в Турае посещают школу. Богатые семьи обычно нанимают для своих дочерей платных учителей, но в бедных районах, таких как округ Двенадцати морей, лишь небольшая часть женского населения обучается грамоте. Да и мужчины здесь не шибко образованны. Впрочем, я вовсе не имел бы ничего против обучения женщин, если бы не вмешательство Ассоциации благородных дам, состоящей из группы недовольных скандальных старух, на которых косо смотрят все честные граждане Турая.

– Помнишь, что случилось в прошлый раз, когда ты занималась преподаванием?

Макри нахмурилась.

– Ты о чем?

– Я бы не сказал, что ты терпеливая учительница. Ты ведь чуть не убила ту молодую эльфийку на Авуле.

Макри отмахивается.

– То совсем другое дело. Я учила ее сражаться. Это требовало грубого обращения.

– Грубого обращения? Я видел, как ты лягнула ее в лицо.

– Ну и что? Она научилась драться, разве нет? Победила на юношеском турнире по фехтованию на мечах. И все благодаря мне.

– Что ж, – говорю я, – если ты начнешь лягать местных женщин в лицо, не приходи жаловаться, когда тебя вышвырнут из города.

– И не приду, – обещает Макри и уходит.

Позднее я вижу, как она покидает таверну, направляясь на свою первую преподавательскую работу. Я успеваю заметить, что на поясе у нее меч, а в сапоге нож. Макри несет сумку со свитками, но ее ноша, по-моему, состоит также из короткой секиры. Уж слишком сумка топорщится.

Макри никуда не ходит без оружия. Я качаю головой. Поскольку мероприятие по обучению женщин грамоте проводится вспыльчивой Макри при поддержке бездарной Ассоциации благородных дам, я полностью убежден, что дело закончится катастрофой.

Глава третья

Палаты консула находятся на территории дворца. Это на север от реки и довольно далеко от округа Двенадцати морей. Не расположенный к долгим прогулкам, беру ландус. Пока запряженная лошадью карета едет по бульвару Луны и Звезд, медленно прокладывая путь среди оживленного движения, я думаю о том, зачем я им понадобился. Насколько я знаю, город в данный момент не охвачен каким-либо кризисом, хотя, когда король приближает к себе таких людей, как принц Фризен-Акан, жди скандала. Если этот человек умрет от беспробудного пьянства, прежде чем взойдет на трон, он окажет городу большую услугу.

У Королевского тракта мы сворачиваем налево и едем по богатому округу Тамлин. Когда-то я здесь жил. В то время я служил старшим детективом во дворце. А потом меня вышвырнули вон под предлогом, что я слишком много пью.

Показался Императорский дворец. Если бы на меня производили впечатления большие постройки, я был бы поражен его видом. Величием своим он затмил дворцы многих других государств, куда побольше Турая. Один только вход заставляет посетителей застывать в изумлении – огромные ворота сделаны в форме двух одинаковых львов, в шесть раз больше роста человека. Внутри находится один из самых прекрасных садов в Землях Людей. Длинные аллеи деревьев ведут к четко очерченным лужайкам и сверкающим фонтанам, спроектированным Афета-ар-Кьетом, великим эльфийским создателем садов. В одном из углов территории дворца находится Имперский зоопарк, содержащий множество замечательных существ. Среди них когда-то был даже дракон с Востока, но его недавно убили. Дракон пал жертвой гнева королевской дочери, принцессы Ду-Акаи, однако дело это не подлежит широкой огласке.

Сам дворец представляет собой огромное здание, сооруженное из сверкающего белого мрамора и увенчанное серебряными минаретами. Сказочное место. Когда-то я здесь работал. Теперь я тут нужен как орк на эльфийской свадьбе. Так что созерцание подобной роскоши лишь усиливает тоску, преследующую меня все последние дни.

Охрана во дворце очень строгая. Дворцовая стража не подпускает близко подозрительных лиц, а по территории ходит патруль. Если кто захочет убить короля, ему придется приложить к этому немало усилий. Впрочем, нельзя винить монарха за то, что он принимает такие меры безопасности. В городе-государстве Турай живет несколько весьма талантливых наемных убийц, а у короля имеются враги.

Меня обыскивают, когда я ступаю на территорию дворца, и еще раз, когда я приближаюсь к палатам консула. Отдаю меч дворцовым охранникам, а в это время маг проверяет, не принес ли я с собой заклинаний.

Меня проводят в приемную. Какой-то незнакомый мне человек смотрит в окно. Для меня важнее то, что в углу стоит изящная тележка, уставленная всякими яствами. Я успел проголодаться, так что сразу иду к тележке и принимаюсь за дело. Еда, предлагаемая гостям консула, отлично приготовлена, хотя величина порций не слишком впечатляет. Пирожки с олениной способны удовлетворить самый взыскательный вкус, но так малы, что вряд ли насытят здорового человека.

Кладу в рот пирожок. Потом беру другой. Наконец хватаю с тележки все блюдо.

На столе стоит графин с вином, которым я запиваю пирожки, прежде чем перейти к другому блюду – сладким пирожным со льдом. Великолепная еда, но, боги, как ее мало! Кладу на свою тарелку все имеющиеся в наличие пирожные и сажусь на стул в углу, не выпуская из рук графин с вином.

Не успел я усесться поудобней, как моя тарелка уже опустела. На меня смотрит один из приглашенных – значительного вида человек в зеленой мантии. Похож на чужеземного священника или чиновника средней руки.

– Не слишком щедрое угощение, верно? – приветливо обращаюсь я к нему.

Незнакомец не отвечает мне и отворачивается к окну. Возможно, не говорит на нашем языке. Я не спеша иду к тележке, однако там не осталось ничего, кроме тарелки с яйцами. Придется, конечно, съесть и яйца, но я не удовлетворен. Если уж консул приглашает человека на собрание, то по крайней мере должен накормить его. В надежде найти еще какую-нибудь еду осматриваюсь по сторонам. В это мгновение открывается внешняя дверь, и входит женщина в длинном белом платье. Довольно причудливый наряд для официантки, но во дворце любят строгую одежду.

– Будет ли подана еще одна тележка? – вежливо обращаюсь я к ней.

– Простите?

– Мне хочется еще пирожков. Они все уже кончились. Хорошо бы также принести пару подносов пирожных. Черт возьми, и тащите побольше яиц, если хотите избавиться от них. Я не слишком привередлив в еде. И не могли бы вы наполнить графин вином?

Официантка как-то странно смотрит на меня. Неужели я обидел ее? Дворцовый этикет – штука довольно сложная; тут даже со слугами надо уметь разговаривать.

– Фракс, гость консула Калия, – представляюсь я. – Интересуюсь, не могли бы вы принести мне кушаний с кухни?

– Я жена джувальского посла, – отвечает женщина с неприязнью в голосе.

– О, простите…

Она проплывает мимо меня, высоко подняв голову, и останавливается рядом с человеком у окна, который, судя по гневному выражению лица, и есть джувальский посол. Я и не знал, что они носят зеленое.

– А вам нигде не попадалась официантка? – обращаюсь я к ним, но они не отвечают мне.

Открывается внутренняя дверь, раздается тихий голос, и посла с женой – безусловно, это хорошо воспитанная женщина, которая никогда не работала официанткой» – проводят в кабинет для встречи с консулом. Я недовольно оглядываюсь по сторонам. Мне просто необходимо что-нибудь съесть. Внешняя дверь открывается, и появляется еще одна женщина в длинном белом платье. Я недоверчиво смотрю на нее.

– Вы жена посла?

Она качает головой.

– Молодая родственница короля?

– Нет. Я подаю еду гостям консула.

Тут я начинаю оживать. Именно то, что нужно. Я показываю на пустую тележку.

– Могу я надеяться, что мне удастся немного перекусить? К моему приходу здесь осталось только несколько корок. Джувальский посол и его жена едят как свиньи.

Официантка любезно улыбается, кивает и уходит. Она отсутствует несколько минут, а потом появляется вновь с тележкой, на которой высится груда разнообразной еды – кондитерские изделия, нежное мясо, пирожки, пирожные и всякие экзотические деликатесы.

– Вот, угощайтесь, пожалуйста, – говорит она весело.

Какая приятная девушка. Когда она достает новый графин с вином, я понимаю, что даже в таком враждебном человеку городе, как Турай, порой можно встретить кого-то, кто поможет вам в трудную минуту. Официантка уходит, и я принимаюсь за работу. Если мне повезет, джувальский посол еще долго пробудет у консула. И я не спеша начинаю уничтожать первый ярус еды, жадно посматривая на то, что скрывается под ним.

Несмотря на все усилия, закончить трапезу к моменту появления посла и его жены мне не удалось. Они проходят мимо, даже не глядя в мою сторону, и покидают комнату. Меня приглашают пройти в кабинет, где я вижу консула Калия. На нем расшитая золотом тога. Он сидит за огромным деревянным столом в компании вице-консула Цицерия, Лисутариды Властительницы Небес, главы Гильдии чародеев, старого Хасия Великолепного, главного колдуна дворца,

Риттия, главы Службы общественной охраны, и Гальвиния, префекта округа Тамлин. С ними также генерал Помий, самый высокопоставленный военный в государстве. Представлены все люди, обладающие верховной властью в Турае. Я несу с собой графин с вином, который ставлю на стол.

Калий окидывает меня холодным взглядом.

– Посол был оскорблен.

– Такую ошибку мог совершить каждый.

– Как человек, ранее служивший во дворце, вы, уж конечно, могли бы заметить разницу между важной иностранной гостьей и простой официанткой.

– Фракс редко был трезв, когда служил во дворце, – замечает Риттий, вечный мой враг. – Он, наверное, мало что помнит.

– Тебя-то, Риттий, я хорошо запомнил.

Консул с суровым видом поднимает руку. Седовласый Калий с лицом, будто вылепленным из мрамора, умеет при желании произвести должное впечатление. Этот человек не слишком умен, до Цицерия ему далеко, но выглядит внушительно. Город, в общем, доверяет ему, и Калий пользуется определенной популярностью.

– Хватит. Мы вызвали вас сюда не для того, чтобы обсуждать ваше недостойное поведение во дворце.

Я готов выслушать длинное и замысловатое объяснение причин, почему меня сюда вызвали, особенно если оно будет исходить от Цицерия. Всякий раз, как помощник консула просил меня что-то для него сделать, просьбе предшествовала длинная лекция о том, как жизненно важно это дело для благосостояния города, за которой следовала еще одна – о патриотическом долге турайцев. Однако Калий не лицемерит.

– Лисутарида Властительница Небес полагает, что нам грозит нападение из Страны орков. Всю эту неделю мы консультировались со всеми заслуживающими доверия лицами в Турае относительно защиты города. В своей должности трибуна вы должны сыграть определенную роль в наших приготовлениях.

Вот уж чего я совсем не ожидал. Последняя война с орками была то ли шестнадцать, то ли семнадцать лет назад. Мы отбросили их от наших стен, но то была самая кровавая битва в истории Турая, и нам просто повезло, что мы победили. Не подоспей вовремя эльфийская армия, город бы неизбежно пал. Я всегда знал, что мне вновь придется сражаться с орками, однако надеялся, что чаша сия минует меня.

Я впервые услышал эту новость, а в таком городе, как Турай, очень трудно держать что-либо в тайне. Если они целую неделю проводили собрания и никто ничего не узнал, значит, им пришлось приложить к этому немало усилий.

Меня не приглашали сесть, так что я уселся без приглашения.

– Принц Амраг?

Калий кивает. В последнее время до нас доходили некоторые сведения о деятельности принца Амрага. Он начинал как молодой бунтарь в Земле Орков, через относительно короткое время завоевал все королевство и стал претендовать на близлежащие территории. Ожидалось, что однажды он станет воинственным вождем и покорит все оркские земли, но это случилось раньше, чем кто-либо мог предположить.

Орки ненавидят нас не меньше, чем мы ненавидим их. Единственное, что удерживает их от нападения, так это внутренние распри. Как только находится вождь, способный объединить оркские народы, нападение на запад становится неизбежным.

– Что я могу для вас сделать?

– Прежде всего, – говорит Калий, – ты должен соблюдать молчание. Мы еще не вполне уверены, что нападение состоится.

– Очень даже уверены, – категорично заявляет Лисутарида.

Старый Хасий Великолепный презрительно фыркает.

– А я не уверен, – бормочет он.

Лисутарида – глава Гильдии чародеев не только Турая, но и всего Запада. Эта женщина обладает огромной магической властью и несравненным умом. Если она говорит, что это случится, я склонен верить ей. Старый Хасий – могущественный волшебник, но ему уже более сотни лет, и я не уверен, что его ум сохранил прежнюю остроту.

– Мы хотим, чтобы вы в качестве трибуна помогали префекту Дринию решать различные задачи в округе Двенадцати морей. Эта помощь включает в себя проверку южной части городских стен, инспекцию водоснабжения, подсчет людей, годных к несению воинской службы, и распределение районов для хранения оружия и припасов.

– Консул Калий, я, разумеется, готов помочь вам, но у меня нет ни знаний, ни опыта в таких делах.

– Мы понимаем. У префекта есть свои люди, и он назначит дополнительное количество специалистов по разным отраслям. Мы хотим, чтобы вы помогали ему в организационных вопросах. Как у трибуна у вас есть власть заставлять людей делать их дело. В каком-то смысле у вас даже больше власти, чем у префекта. Мы не намеревались увеличивать количество трибунов, но теперь приходится назначить по одному на каждый квадрант города. Вы будете играть жизненно важную роль в обороне.

Я киваю. Значит, я должен работать на префекта Дриния, или Дриния Гальвиния, как он иногда называет себя. Он кузен Гальвиния, префекта округа Тамлин, и старается пользоваться родством с таким влиятельным человеком. Я никогда особенно не ладил с местным префектом, но в данных обстоятельствах возражать бессмысленно.

– Пожалуйста, запомните, на данной стадии население города не должно ничего знать об угрозе. В противном случае может возникнуть паника, а если в итоге окажется, что тревога ложная, то мы понапрасну взбудоражим людей.

Лисутарида хмурится.

– Тревога не ложная, – возражает она.

У меня создается впечатление, что Лисутарида далеко не в первый раз повторяет эти слова.

– Сколько времени в нашем распоряжении?

– Точно сказать не могу, – отвечает консул. – Даже в том случае, если приготовления орков, как утверждает Лисутарида, зашли слишком далеко, до наступления зимы остается всего три недели. Мы уверены, что они не выступят раньше, и, разумеется, зимой они не пойдут, будут ждать тепла.

Покидая собрание, я знал о событиях гораздо меньше, чем мне хотелось бы. Я не требовал, чтобы мне сообщили больше. Они и не собирались говорить мне все, что знают, к тому же в приемной ждали другие. Нужно просто как можно скорее навестить Лисутариду. В свое время я оказал главе Гильдии чародеев ряд услуг, и она просто обязана рассказать мне, с чем нам предстоит столкнуться. По крайней мере я на это надеюсь.

Вернувшись в «Секиру мщения», отправляюсь на поиски Макри. Она во дворе, тренируется в выполнении сложных движений с секирой. Прошу ее на время оставить оружие и подняться ко мне. Наверху убираю с пола всякий мусор и достаю свои последние запасы курии.

– Что случилось? – интересуется Макри. – Тебе дали дело?

Сосуд с курией может воспроизводить волшебные картинки. Опытный практикующий маг способен с ее помощью заглянуть практически всюду, даже в прошлое. Я не великий спец, однако все-таки усвоил несколько уроков волшебства и иногда могу заставить эту штуку работать. Сосредотачиваюсь, и воздух вокруг сосуда с черной жидкостью становится прохладней.

– Что это? – спрашивает Макри, когда в сосуде начинает появляться изображение.

– Поляна Фей.

На Поляне Фей царит спокойствие. В озере лениво плещутся наяды. Феи порхают в кустах, а кентавры отдыхают под деревьями. Мы долго смотрим в сосуд. Перед нашим взором открывается мирная волшебная сцена. Не помню, чтобы раньше я ценил это. Через какое-то время моя власть над жидкостью пропадает, и изображение чернеет. Оборачиваюсь и гляжу на Макри. Та улыбается.

– Интересно. Но зачем тебе понадобилось увидеть Поляну Фей?

– Да вот захотелось вдруг. Располагай я временем, я бы даже совершил прогулку за стенами города.

Макри хмурится, понимая, что дела обстоят неважно.

– Что стряслось?

– Орки. Принц Амраг собирает армию, и Лисутарида говорит, они намереваются напасть на нас. Возможно, после зимы. Когда это случится, всем мирным заботам конец.

Глава четвертая

В течение следующей недели я занимался проверкой водоснабжения округа Двенадцати морей и отсылкой сообщений о неисправных акведуках и заблокированных колодцах. Работа не шибко интересная, но крайне важная. Если город окажется в осаде, жители до прибытия подмоги должны полностью полагаться на себя. Консул, конечно, старается привести Турай в порядок, хотя все настолько запущенно, что сделать ремонт весьма трудно. Не то чтобы Калий и его военные советники ждали непременной осады города. Исторически люди давно уже объединились перед лицом оркской угрозы и не раз били врага на полях сражений. Хоть я и не участвую в секретных переговорах, которые ведутся в данный момент между разными странами, у меня нет сомнений, что срочные совещания проходят на самом высоком уровне. Когда орки прибудут сюда с востока, они столкнутся с огромной армией, набранной в Землях Людей. А еще на нашей стороне будет биться армия эльфов.

Работать под началом префекта Дриния не так уж обременительно. Он слишком занят постановкой задач своим служащим, чтобы помнить о личной неприязни к детективам. Я не обращаю особого внимания на то, что мое задание не самое важное. Когда придет время, я все равно окажусь в гуще сражения.

Население Турая до сих пор пребывает в неведении. Префект Дриний распустил слухи о том, что король якобы увеличил денежную сумму на благоустройство округа Двенадцати морей. А служащие сейчас, мол, занимаются переучетом всего необходимого для этого района, перед тем как начнутся всякого рода улучшения. Меня бурно приветствуют граждане и кричат наперебой, что уже давно пора обратить внимание на местные колодцы и акведуки.

Возвращаясь домой после тяжелого рабочего дня, я взбираюсь вверх по лестнице к своей комнате, намереваясь сбросить плащ и спуститься в бар, и испытываю нечто вроде шока, обнаружив в своем кабинете Макри и еще пятерых женщин. Не могу сказать, что я в восторге.

– Что здесь происходит?

– Идет урок чтения, – говорит Макри, словно это исчерпывающее объяснение.

– В моем кабинете?

– В булочной у нас сейчас небольшой кризис, – сообщает одна из женщин.

Это Морикс, наследница мучной империи покойной Минарикс. Она объясняет, что задняя комната, которой они пользовались для занятий, в данное время занята мешками с пшеницей, заготовленной на зиму.

– Вот потому мы и пришли сюда, – добавляет Макри.

– Но почему именно в мой кабинет? У тебя ведь есть собственная комната.

– Она слишком мала.

Я очень недоволен. Никакой детектив не был бы доволен таким положением дел. Кабинет нужен человеку для работы, для приема напитков и для отдыха на кушетке. Может быть, еще для того, чтобы обдумывать какое-то расследование. Но только не для уроков чтения Макри. Я уже собираюсь сказать ей пару ласковых, когда вспоминаю, сколь много значит для меня булочная.

– Надеюсь, это не повторится? – спрашиваю я.

Макри качает головой.

– Мы уже заканчиваем. В следующий раз проведем урок в булочной.

Что ж, будем считать инцидент исчерпанным. Нет смысла злить булочниц по пустякам. Женщины – судя по платьям, обитательницы округа Двенадцати морей, – покидают кабинет. Я смотрю на Макри, а она смотрит на меня.

– Не начинай, – говорит Макри.

– Что я не должен начинать?

– Критиковать и жаловаться.

– И не думаю. В конце концов, чего можно ожидать, если делами занимается Ассоциация благородных дам? Тогда повсюду жди хаоса. Если то, что сейчас произошло, самое худшее, я еще легко отделался. Как проходят занятия?

– Хорошо, – кратко отвечает Макри. – Как идут приготовления к войне?

Макри и Гурду я сообщил об ожидаемом нашествии орков. Гурд воспринял новость философски: наточил свое оружие и готов хоть сейчас в бой. Как чужестранец, живущий в городе, он будет призван в армию. А Макри туда не возьмут, и она уже нервничает по этому поводу.

– Думаешь, я буду сидеть здесь, когда оркская армия пойдет на нас войной? И не надейся. Я пойду воевать вместе с остальными.

– Но женщины не могут служить в армии.

– Тогда я последую за ней по пятам.

Само собой, Макри будет участвовать в сражении. Отговаривать ее бесполезно. Она ненавидит орков и обожает хорошую потасовку. Ничто не сможет удержать ее от участия в войне. И все же я пытаюсь убедить Макри в том, что ей придется испытать нечто необычное.

– Ты любого победишь в рукопашной схватке, Макри. Я видел, как ты это делаешь. Но поле брани не похоже на гладиаторскую арену, и биться там не то же самое, что драться на улице. Там нет пространства для маневра и некуда отходить. Ты просто стоишь в фаланге с длинным копьем в руке, и на тебя наступает фаланга врага. Побеждает сильнейшая фаланга, которая отбрасывает силы противника назад. Тебя затопчут до смерти или издалека пронзят копьем, а ты даже не сможешь приблизиться к вражескому воину. Поверь мне, искусное владение мечом не имеет к войне никакого отношения. В большинстве случаев до окончания сражения меч даже не удается вынуть из ножен.

Макри сдержанно сообщает мне, что знакома с тактикой ведения боя. Она прочитала об этом все, что смогла найти в Имперской библиотеке. Я отмахиваюсь.

– Книги и свитки не расскажут тебе всего. Я могу поведать больше, чем любой военный историк, потому как сам сражался в фаланге. Мы сметали дивизии врага и убегали со всех ног, когда наш строй разрывали на части. Во время войны с…

Я прерываю рассказ. Теперь, когда на нас надвигаются орки, мне уже не так приятны воспоминания о воинской доблести. Макри собирает свои свитки и увесистые книги.

– О чем книжки? – спрашиваю я.

– Об архитектуре. Исследование о сводчатых арках прошлого века. Я это изучаю в колледже.

– Для чего?

– Что ты имеешь в виду?

– Хороший вопрос. На город вот-вот обрушатся несметные орды орков. Кому нужны сводчатые арки?

– Мне, – отвечает Макри. – Если город будет разрушен и понадобится построить новые сводчатые арки, я смогу.

Мы спускаемся вниз. Я – выпить кружку пива, она – занять свое место за стойкой. Навстречу, спешит Дандильон. Она приближается к Макри, и та отступает назад, опасаясь, что подавальщица опять начнет рассказывать про дельфинов. Дандильон носит длинную юбку, расшитую знаками зодиака, и расхаживает по таверне босиком. Возможно, по этой причине она не может вести осмысленную беседу. Этой девушке следует отдать должное. Она, изрядно намучившись, все же научилась обращаться с пивными бочонками. В остальном от нее мало толку. Здесь она находится по вине Макри. Любой разумный человек вышвырнул бы Дандильон сразу же, но Макри, выказав невиданную ранее в ней мягкость, позволила девушке остаться и прижиться в таверне, где та стала работать барменшей и подавальщицей.

– Тебе прислали цветы! – радостно восклицает Дандильон. – Я поставила их в воду. Посмотри, они за стойкой!

Там действительно стоят цветы. Очень большой букет, который отлично смотрится в голубой вазе. Я гляжу на Макри и вижу: она надеется, что это ее эльф ищет с ней встречи. Притворяясь, будто ей все равно, Макри спокойно проходит мимо.

– Там есть открытка, – говорит Дандильон, – но я не могу прочитать ее. Она, наверное, на эльфийском.

Макри готова улыбнуться. Она берет открытку, однако, как только начинает читать, ее лицо мрачнеет.

– Это чьи-то шутки? – бормочет она, оглядываясь по сторонам.

– В чем дело?

– Это не эльфийский, это *оркский* язык.

Я поспешно смотрю на открытку.

– Оркский?

Мало кто в Турае говорит на оркском, и еще меньше людей читают на нем. Мы с Макри свободно владеем этим наречием. Рассматриваю открытку, написанную аккуратным почерком.

«Самому красивому цветку Турая. От Хорма, правителя королевства Йал».

Макри в замешательстве, я тоже ничего не могу понять.

– Хорм Мертвец прислал тебе цветы?

– Похоже на то.

– Грязный орк!

Макри в негодовании швыряет цветы на пол вместе с вазой.

– . Но они были очень красивые, – протестует Дандильон.

– Я не принимаю подарков от орков! – Макри с шумом покидает таверну.

Хорм, повелитель королевства Йал, или Хорм Мертвец, как его обычно называют, на самом деле наполовину орк, наполовину человек. Тем не менее он оркский лорд, равно как и безумный колдун, который, по слухам, воскрес из мертвых посредством какого-то ужасного ритуала, тем самым увеличив свое могущество. Несколько месяцев назад он появился в Турае, пытаясь украсть какой-то весьма ценный предмет у Лисутариды Властительницы Небес. Макри произвела на Хорма очень сильное впечатление. Он даже предложил спасти ей жизнь, если оркские войска в ближайшем будущем захватят город. Надо было видеть, какую Макри отвесила ему оплеуху, чего этот негодяй уже давно добивался. Хорм пытается уничтожить Турай и заслуживает гораздо более сурового наказания. Мерзавец ненавидит нас всей душой. Не могу понять, почему его так привлекает Макри.

Приятно, что цветы отвергнуты. Долю секунды я опасался, что Макри польстит подношение, ибо, хотя мало кто знает об этом, она питает слабость к разного рода дарам, особенно к цветам. В прошлом я не раз улаживал всякие проблемы при помощи подобных подарков. Сам бы я, конечно, до такого не додумался, так как Макри – мужественная женщина-воин, а я вовсе не тот человек, который дарит цветы налево и направо, но меня надоумила Танроз, и все прошло гладко. Слабость Макри имеет какое-то отношение к лагерю гладиаторов, где она выросла. А еще она никогда в жизни не получала подарков. Так считает Танроз.

Мысли о Танроз пробуждают во мне зверский аппетит: ведь я не ел несколько часов. Заказываю большую миску тушеного мяса, которое опять дурно приготовлено. Да сколько это будет продолжаться? Если мне суждено пасть на поле брани, я не желаю выглядеть так, будто несколько месяцев не ел нормальной пищи. Я встаю.

– Пора бы уже привести назад Танроз, и тут не может быть двух мнений! – заявляю я. – Я совсем отощал.

– Да ты почти как слон, – говорит Макри.

– Вот именно – почти. Я просто таю на глазах. Мне нужна Танроз.

Покидая таверну, я натыкаюсь на маленькую женщину – темноволосую, бледнолицую, в обычном одеянии рыночной торговки. Это Ханама, мастер-убийца из Гильдии убийц. Отвратительная особа, занимающаяся негодным делом. Я резко отступаю назад, хватаясь за рукоятку меча.

– Чего тебе? – спрашиваю я.

– Не твое дело, – отвечает Ханама.

Как обычно, я с трудом верю, что эта маленькая, с виду невинная молодая женщина – зловещая убийца. Ну точь-в-точь школьница, которая и курицу не обидит. А она убивает людей налево и направо, и ей за это хорошо платят. Хотя как-то раз я и сражался с Ханамой бок о бок, мне неприятно ее видеть.

– Все, что здесь происходит, в высшей степени мое дело. Я местный трибун.

Ханама слегка улыбается, хотя взгляд ее остается абсолютно холодным.

– Как я понимаю, это почетная должность. У тебя нет власти запрещать свободным гражданам заниматься своими делами. Отойди, я пришла к Макри.

Макри действительно поддерживает дружеские отношения с этой противной бабой. Я окидываю ее хмурым взглядом и прохожу мимо, качая головой в знак того, что положение дел в «Секире мщения» принимает в последнее время просто ужасный оборот. Подумать только: Дандильон, Макри, Ханама. Целый набор исчадий ада в женском обличье. Им всем в пору рвать цветы зла с Хормом Мертвецом.

Покинув «Секиру мщения», Танроз поселилась со своей престарелой матерью в небольшом домике в округе Пашиш к северу от Двенадцати морей. Я пробираюсь по оживленным улицам, затем с решительным выражением лица поднимаюсь по лестнице. Танроз сама открывает дверь. Она явно рада меня видеть и приглашает войти. Матери, кажется, в доме нет, так что я сразу же перехожу к делу.

– Танроз, ты должна…

– Не хочешь ли ты чего-нибудь поесть? – спрашивает добрая женщина.

Я с готовностью киваю – дело может и подождать. Танроз уходит из комнаты, и я слышу, как она какое-то время гремит посудой на кухне, а потом возвращается с большим подносом, заваленным едой. После того как мне не удалось нормально перекусить в «Секире мщения», я набрасываюсь на пирог с олениной и овощное ассорти словно дракон на стадо жирных овец.

– Ты не хотел бы…

Я с энтузиазмом киваю. Я буду есть все что угодно. Танроз приносит еще одну порцию. Покончив с едой, я удовлетворенно вздыхаю. Теперь я готов действовать. Давно уже я не чувствовал себя так хорошо.

– Танроз, тебе надо вернуться в «Секиру мщения». Я знаю, что у вас с Гурдом дела идут не гладко, но, может быть, вы как-то разберетесь между собой и поймете, что вам не стоит злиться друг на друга. Зачем придавать значение мелочам? В жизни есть более важные вещи. Неужели ты покинешь такое хорошее место из-за каких-то пустяковых обид? Да ты просто создана для «Секиры мщения». Лично я готов смириться и терпеть все невзгоды при условии, что ты вернешься на свое место и станешь готовить отличное тушеное мясо.

Танроз хмурится.

– Фракс, неужели твой желудок важнее моего душевного спокойствия?

– Выражайся точнее.

– Я не могу вернуться, пока все не наладится.

Какое разочарование.

– Пожалуйста, вернись. Умоляю тебя.

– Извини, не могу.

– Ты знаешь, я все еще трибун. Я приказываю тебе вернуться.

Танроз смеется.

– Фракс, мне приятно слышать, что ты так сильно скучаешь по мне. Или по крайней мере скучаешь по моей еде. Но, знаешь ли, я действительно не могу вернуться, не поговорив прежде с Гурдом.

Я тяжело опускаюсь в кресло, чувствуя, что потерпел поражение. В последний раз было так же погано, когда мы с Гурдом служили наемниками в джувальских джунглях и после ночной пьянки случайно набрели на лагерь неприятеля. Я все еще помню выражение лица командира отряда противника после того, как я дружески похлопал его по плечу и предложил глотнуть из моей фляги. К счастью, в этот миг лагерь подвергся атаке со стороны третьей армии, которая сражалась в тяжелой обстановке, и мы с Гурдом, воспользовавшись суматохой, рванули оттуда.

А на сей раз бежать некуда. Я оказался в ловушке и должен есть некачественную пищу, которую готовит Эльсиор. Когда прибудут орки, мне очень повезет, если я смогу меч поднять.

Внезапно меня озаряет. Стараясь придать своему голосу как можно больше искренности, я сообщаю Танроз, что если она не вернется сейчас, то может уже никогда не вернуться.

– Что ты имеешь в виду?

– Орки собираются напасть на нас, как только кончится зима.

– Это правда?

– Да. Это государственная тайна, и я не должен никому говорить, но все и так вскоре узнают. Так что если хочешь разобраться с Гурдом – а может быть, и испечь несколько пирогов и потушить для меня мясо, – это твой последний шанс.

Танроз задумывается.

– Мы победим орков?

– Возможно.

– Или, возможно, не победим?

Я киваю. Танроз требуется только несколько секунд, чтобы принять решение.

– В таком случае, Фракс, ты прав. Мне лучше вернуться.

Я радостно вскакиваю на ноги. Перспектива возвращения Танроз в таверну делает меня счастливей эльфа, сидящего на дереве.

– Ты не поверишь, как плохо обстоят сейчас дела в таверне. Дандильон сошла с ума. Макри тоже спятила. Хорм присылает туда цветы.

– Что?

Я рассказал Танроз про случай с цветами.

– Это, конечно, тревожный знак. Ты ведь знаешь, как Макри обожает цветы.

– Как же она это восприняла? – спрашивает Танроз.

– Швырнула их на пол. И правильно поступила. Наглец же все-таки этот Хорм. Чего он добивается? Тот факт, что сам я не способен при помощи цветов произвести впечатление на отлично владеющую секирой госпожу с крутым нравом, еще не значит, что у него все должно получиться. Знаешь, чем больше я думаю, тем больше убеждаюсь в том, что Хорм украл эту идею у меня. Возможно, шпионил за мной, когда я возвращался домой от продавца цветов. Сам Хорм до такого никогда бы не додумался.

– Да уж, ты приложил немало усилий, – соглашается Танроз. – Но не стоит беспокоиться. Макри никогда не влюбится в лорда орков.

– А кто беспокоится? Макри может делать все, что пожелает. Мне просто не нравится, что Хорм крадет мои идеи.

Я покидаю дом, все еще испытывая блаженство. Ладно, мне пришлось открыть Танроз важную государственную тайну, чтобы убедить ее вернуться. Ну и черт с ней! Главное, что это сработало. Танроз можно доверять. Она никому не расскажет.

Я беру ландус в Пашише и велю кучеру отвезти меня к аллее «Истина в красоте», месту обитания турайских магов. Пока мы едем по Королевскому тракту, я держу руки сложенными

на животе, впервые за несколько недель чувствуя себя по-настоящему сытым. Пусть орки приходят. Когда они встретятся с хорошо накормленным Фраксом, мерзавцы пожалеют о том, что родились па свет.

Глава пятая

Успешные маги в Турае обычно богатеют, и их виллы на аллее «Истина в красоте» представляют собой великолепные постройки, возле которых раскинулись обширные сады, а внутри содержится немало слуг. Ничего не указывает на то, что в этих виллах живут волшебники, а не сенаторы. Маги так же обеспокоены своим социальным статусом, как и остальные представители турайского высшего класса, и не стремятся публично демонстрировать свои сверхъестественные способности. Порой они устраивают развлечения в своих садах, но не помышляют о том, чтобы осветить фасады домов чарами или устроить какое-нибудь вульгарное шоу. Представители высшего класса Турая редко обращаются к волшебству, считая его ниже своего достоинства. Маги обычно не совершают действий, которые могут быть восприняты как плохой тон.

Двигаясь к вилле Лисутариды, я замечаю признаки неких серьезных событий. А именно: все высокопоставленные маги города-государства выходят из ее дома и усаживаются в кареты. Хормон Полуэльф, старый Хасий Великолепный, Мелия Неподкупная, Ланий Солнцелов, Тирини Заклинательница Змей. Даже Кораний Точильщик – знаменитый как своей магической силой, так и скверным нравом – присутствует, а ведь он чрезвычайно редко посещает город, предпочитая оставаться круглый год на своей вилле у побережья вблизи городка Ферия. Когда Кораний шагает к карете, более молодые волшебники вроде Капали Кометного Всадника и Анумарии Молнии оказывают ему знаки почтения, тогда как менее значимые члены Гильдии, такие как Горсий Звездочет и Паталикс Повелитель Дождя, с завистью взирают на это.

Последним покидает виллу Овиний Верный, который садится в карету при помощи нескольких слуг в ливреях. Овиний не так уж могуч, но он главный королевский советник по магии, что придает ему большой вес. Подобно другим волшебникам Турая, он носит радужный плащ, только у него он особенно яркий. Плащ Лисутариды сшит с большим вкусом; он отличается хорошим покроем и сдержанностью красок. Я бы сказал: чем могущественнее волшебник, тем скромнее его одежда. Кораний одет в серое, и мотив радуги едва заметен на его воротнике. Тирини Заклинательница Змей являет собой исключение. Она могущественна, но абсолютно несдержанна и любит все самое модное. На ней очень элегантный шелковый и практически прозрачный плащ, сочетающийся с не менее элегантным платьем. Платье тоже шелковое и полупрозрачное. Тирини – красавица, самая шикарная волшебница в городе-государстве, и старается, чтобы никто не забывал об этом. Она ослепительная блондинка. А женщина, чьи волосы по природе темные, должна пользоваться специальными травами и даже заклинаниями, чтобы изменить их цвет. В прошлом году Тирини явилась причиной скандала, прибыв на празднование дня рождения принцессы Ду-Акаи в таком облегающем и просвечивающимся платье, что нанесла этим ущерб здоровью нескольких престарелых сенаторов, присутствовавших на торжестве. Епископ Гжекий так разгневался, что на следующий день, к изумлению Тирини, лишил ее причастия.

В юности я изучал магию, однако вскоре бросил и научился лишь крохе того, чем в полной мере владеют эти люди. Шарахаюсь от ворот, чтобы пропустить магов. Не то чтобы кто-то из них чем-то лучше меня, просто не хочется напоминать им о своих былых ошибках.

Когда все разъехались, иду по длинной садовой дорожке, ведущей сквозь кусты и заросли, и наконец стучусь в дверь. Открывает служанка, которая знает меня по прежним посещениям. Она с удивлением сообщает, что собрание уже закончено.

– Я пришел не на собрание. Это частный визит. Лисутарида примет меня.

Служанка, глядя на меня так же приветливо, как собаки, охраняющие ворота в ад, вовсе не уверена, что волшебница захочет увидеть Фракса. Она заставляет меня ждать у двери. Я

жду долго. Наконец нахалка возвращается с сообщением, что ее госпожа занята и просила передать, чтобы я пришел в другое время.

– Да что ты говоришь! – не верю я и прорываюсь мимо служанки, пользуясь своим недюжинным весом и оттеснив девушку в сторону.

В последние годы я нередко применяю такую тактику. Я знаю, где должна быть Лисутарида. Властительница Небес рабски привязана к фазису, потребляя его в таких количествах, которые и не снились обыкновенным гражданам города. Так как она не могла предаться любимому занятию в присутствии своих друзей-магов, то теперь, должно быть, удалилась в уютную комнату с видом на сад и там курит кальян. Я направляюсь в дальний конец дома, преследуемый сердитыми слугами. Мы проходим по удивительно роскошному ковру. В этом доме сосредоточено большое богатство. Стены увешаны эльфийскими гобеленами, а тщательно расставленная, не слишком бросающаяся в глаза мебель является антикварной, в основном эльфийской и чрезвычайно дорогой. Лисутарида – одна из немногих волшебниц, по праву рождения принадлежащая к высшему классу турайского общества, и располагает большим состоянием.

Внезапно воздух возле меня становится прохладным. Я оказываюсь во власти некой силы, временно парализующей меня. Я ношу с собой амулет, который защищает от чар, но Лисутарида – глава Гильдии чародеев, и у нее имеются такие заклинания, которые нелегко разрушить.

– Лисутарида! – рычу я. – Сними чары и впусти меня. Я знаю, что ты ничем не занята, а просто куришь фазис.

Я борюсь с заклинанием, с трудом продвигаясь вперед на несколько дюймов.

– Я все равно не уйду. Впусти меня, или я выбью дверь!

Чары слабеют, и я стрелой лечу вперед. Дверь открывается, и я с шумом валюсь на пол. Лисутарида, сидя в своем любимом кресле на золотой подушке, смотрит на меня сверху вниз с праздным презрением.

– Фракс, если попытаешься выбить одну из моих дорогих дверей, я взорву твою голову, – говорит она. – Что привело тебя сюда? У меня в данный момент очень мало свободного времени.

Проведя за кальяном всего несколько минут, Лисутарида еще не слишком опьянела, однако, судя по стойкому аромату в комнате и отсутствующему выражению на ее лице, скоро забалдеет. Она набивает в трубку такое количество фазиса, которое может вырубить даже дракона.

– Меня привело сюда стремление к знаниям.

– А, так Макри все же удалось заставить тебя заняться самообразованием?

– Весьма забавно. Я пришел, чтобы узнать, что происходит на самом деле и сколько еще времени осталось до битвы, а также все, что ты знаешь о готовящемся вторжении. Никто в правительстве не хочет говорить мне об этом. Да брось ты свою соску на минуту!

Посторонний наблюдатель очень удивился бы тому, что я так запросто разговариваю с Лисутаридой. Она ведь, в конце концов, глава Гильдии чародеев, не говоря уже о том, что в ее жилах течет аристократическая кровь. Однако в нынешнем году я оказал ей ряд весьма значимых услуг. Именно я практически в одиночку помог Лисутариде во время выборов стать главой Гильдии, а летом спас ее репутацию, установив местонахождение весьма ценного магического кристалла, который она по рассеянности обронила на скачках. Кроме того, я видел, как Лисутарида, накурившись фазиса, упала навзничь в моей конторе. После того случая я счел возможным вести себя в ее присутствии непринужденно.

– Приходится прибегать к успокоительным средствам после общения с этими людьми. Хормон ужасный зануда, а Ланий Солнцелов и старый Хасий сомневаются в точности моих наблюдений.

– В самом деле?

Ланий – главный маг при дворцовой страже. Хасий служит главным магом в Обители справедливости. Внезапно на лице Лисутариды появляется выражение досады.

– Да, в самом деле. Трудно заглядывать в центр Земли Орков, Фракс. Даже обладая зеленым драгоценным камнем и всеми магическими силами, которые только имеются в моем распоряжении, почти невозможно получить чистое изображение. Гильдия оркских колдунов старается изо всех сил, чтобы защититься от нашего проникновения в их тайны. Я не могу напрямую связаться с принцем Амрагом и не в состоянии подслушивать, что говорится во время его встреч с другими орками. Но мне удалось узнать о том, что он планирует. В их планы, без сомнения, входит молниеносное вторжение. Я видела, как собираются войска и слетаются драконы.

– Так почему же другие маги сомневаются в твоих сведениях?

Лисутарида пожимает плечами и затягивается трубкой.

– Хасий Великолепный всегда был против моего избрания главой Гильдии чародеев. Он не может объективно оценивать мои доводы. Да к тому же он очень стар. Давно пора отправить его на пенсию. Что до Лания… кто знает? Дворцовая стража постоянно преследует свои собственные интересы. Его босс Риттий никогда не был моим другом. Им трудно что-либо доказать. Городу пора готовиться к войне и собирать союзников, а не рассуждать о точном значении моих наблюдений на Востоке. Естественно, этот глупец, Овиний Верный, сообщает во дворец об их сомнениях. Круглый дурак! Как он стал главным советником по магии при короле, просто уму непостижимо.

Я сочувствую.

– В этом городе всегда так. Достойными людьми пренебрегают в пользу всяких никчемных личностей, которые умеют хорошо льстить. Посмотри на меня. Сняли с работы во дворце и вышвырнули вон. А ведь такого приличного детектива у них никогда в жизни не было.

– Ты напился на свадьбе Риттия и оскорбил его невесту, – говорит Лисутарида. – А ранее оскорбил самого Риттия. А еще ранее, если мне не изменяет память, оскорбил претора Капатия.

– Чем ты занимаешься? Ведешь записи? Эти люди заслуживают того, чтобы их оскорбляли. Неудивительно, что меня принудили напиться. Кстати, нельзя ли здесь выпить стакан вина?

Лисутарида игнорирует мою просьбу, чрезмерно увлекшись рассказом об Овиний.

– Он имел наглость заявить, что мои предположения слишком туманны в силу моего недовольства Эрминией. Как будто я позволяю семейным делам мешать моим военным исследованиям!

Боюсь, Лисутарида собирается прочитать мне лекцию насчет Эрминии. Я уже несколько раз слушал критику по этому поводу из уст Макри. Эрминия – жена сенатора или являлась таковой до того момента, как несколько месяцев назад вонзила ему в спину его же собственный кинжал. В суде она утверждала, что сенатор жестоко издевался над ней все десять лет брака. Суд, понимая, что такая защита не может снять обвинение в убийстве, приговорил ее к смерти. Сейчас она томится в тюрьме, ожидая приведения приговора в исполнение. Макри и, возможно, Лисутариду особенно раздражало то обстоятельство, что, окажись сенатор убийцей своей жены, его всего лишь изгнали бы из Турая. Во всех случаях, кроме исключительных, членам турайского правящего класса позволяется покидать город до казни. На Эрминию это положение не распространялось. Тяжелый жребий выпал на долю этой дамы, но так уж обстоят дела в Турае. Не понимаю только, почему Лисутарида считает своим долгом высказывать мне свое возмущение по этому поводу. Срочно меняя тему, я спросил ее, как обстоят дела по формированию союза.

– К счастью, все идет очень хорошо. Мы разослали вестников по всему Западу и связались с эльфийскими народами.

Странно думать, что в то время, когда мы сидим здесь и мирно курим фазис, на Западе начинаются первые приготовления к созданию гигантской армии.

– Что за силы может подчинить себе принц Амраг?

– Трудно сказать. Он у власти относительно недавно. Однако из моих наблюдений видно, что другие оркские нации отвечают на его призыв. Мы предполагаем, что армия принца будет по величине практически такой же, какой была армия орков в последней войне.

– Кто такие эти «мы»?

– Военный Совет, созданный консулом. Я никогда особенно не уважала Калия, но тут он стал действовать довольно быстро и решительно.

Некоторое время мы сидим и просто молчим, вспоминая прошлую войну. После отчаянной борьбы наступил момент, когда нам удалось отбросить врагов от стен города, и так случилось, что в этот самый переломный миг я находился рядом с Лисутаридой. Я видел, как она сбивает драконов и они падают с неба на землю, а когда ее магические силы иссякли, Лисутарида схватила меч и обезглавила орка, который взобрался на стену. Сразу же после этого стена обрушилась. Не имею понятия, как мы остались живы. Нам все равно не удалось бы выжить, не прибудь вовремя эльфийская армия, которая ударила по врагу с фланга.

– Мы все же разгромили их в прошлый раз. И снова победим.

– Возможно, – говорит Лисутарида задумчиво. – Хотя сейчас объединенная армия людей и эльфов, пожалуй, слабее, чем тогда. Надеюсь, что ненамного. В противном случае придется бежать далеко на Запад и затаиться.

Не помню, чтобы Лисутарида распоряжалась о еде и напитках.

– Нельзя ли тут чем-нибудь подкрепиться?

– У меня нет пива.

– Зато в твоем винном погребе хранится чудесное вино. Хорошее эльфийское вино очень украсило бы наш стол.

Лисутарида звонит в колокольчик, вызывая слугу. Эта волшебница на самом деле не такая уж плохая женщина. Правда, слишком много курит и тратит большие деньги на одежду, прически и тому подобное, но она хорошо послужила своему городу. Мы с ней практически ровесники, хотя по виду и не скажешь. Впрочем, Лисутарида сохранилась гораздо лучше, чем я. Конечно, ей было что сохранять; моя жизнь оказалась намного суровее, чем ее.

Я беру стакан с вином.

– Хорошее вино. Возможно, тебе следует провести следующие четыре месяца, наслаждаясь содержимым своего винного погреба.

– Если только у нас есть эти четыре месяца, – говорит она.

– Что ты имеешь в виду?

– Я подозреваю, что орки могут прийти раньше.

Я в недоумении.

– Раньше? До зимы всего пара недель. Они не смогут пересечь пустыню зимой.

Лисутарида задумывается.

– Все так говорят. Раньше они действительно не могли этого сделать. Но я перехватила сообщение, посланное Амрагом другому лорду орков, в котором есть намеки на то, что на сей раз они планируют зимний поход.

Я настроен довольно скептически. Кампании крайне редко начинаются зимой – уж больно сильные стоят холода для таких походов.

– Не верю, что Амраг решится. Какую выгоду это ему принесет?

– Он будет здесь еще до прихода эльфов. Они не смогут отплыть зимой. Если Амрагу удастся привести свою армию до прибытия эльфов, он избежит столкновения с половиной наших союзных сил.

– Но как насчет обеспечения? Зимний поход – это не шутки. Орки не выносливей людей. Им не удастся подойти к Тураю. Да и драконы не долетят, потому как в холодное время становятся медлительными. И с поддержкой флота ничего не выйдет.

– Военный Совет придерживается того же мнения, – сообщает Лисутарида. – Старый Хасий вообще имел наглость заявить, будто я перехватила послание, которое принц Амраг распространил намеренно, чтобы ввести нас в заблуждение. – Она пожимает плечами. – Может, так оно и есть. Оркская Гильдия чародеев сейчас стала гораздо более могущественной, чем прежде, и, возможно, действует тоньше. Некоторые магические средства защиты, которые они установили за последние годы, невероятно сложны. Не исключено, что меня ввели в заблуждение. Тем не менее я крайне обеспокоена.

– Какой-нибудь другой маг пришел к такому же выводу, как и ты?

Лисутарида признает, что таковых больше нет. Ни один маг не думает, что орки могут напасть на нас раньше окончания зимы. По мнению Лисутариды, некоторые чужеземные маги вообще сомневаются в том, что орки планируют нападение. Лично я верю словам Лисутариды на все сто. Мало кто из волшебников равен ей в плане могущества и знаний. Мало кто на Западе и вообще никто на Востоке. Властительница Небес обладает несравненным талантом. Кроме тех периодов, когда слишком увлекается фазисом и не способна создавать чары, что случается не слишком часто.

– Не мог бы ты позвонить в колокольчик? – обращается ко мне Лисутарида. – Я так ослабла, что не в силах руку поднять.

Я хмурюсь.

– Ты не собираешься бросить курить на период военных действий?

– А зачем?

– Чтобы направить силы западных магов на спасение человечества.

Лисутарида заливисто смеется.

– Спасение человечества, – повторяет она несколько раз и смеется еще громче. Смех стихает, лишь когда она вставляет в рот свою трубку.

Последние сведения, которые мне удается получить от Лисутариды, заключается в том, что завтра состоится собрание членов Военного Совета. Вслед за ним пройдет собрание Совета в малом составе, которое я должен посетить. Когда я покидаю комнату, Лисутарида лежит в кресле, потягивает свою трубку и все еще посмеивается по поводу моих забавных слов о спасении человечества. Ее слуги провожают меня до парадного входа.

– Госпоже не следует пускать вас в дом, – говорит служанка, мимо которой я прорвался внутрь помещения.

– Ты права. Не следует этого делать. Я тип еще тот.

Она смотрит на меня с ненавистью. Что ж, мне к этому не привыкать.

Глава шестая

Собрание Малого Военного Совета возглавил Цицерий, ему помогал Хасий. В конференц-зале собрались тридцать человек, со многими я никогда раньше не встречался. Префекты каждой части города, их помощники, преторы, которые обычно подчиняются только консулу, вновь назначенные трибуны плюс еще чиновники из дворца, представители Службы общественной охраны и военные. С удивлением обнаруживаю здесь сенатора Лодия. Лодий возглавляет оппозиционную партию популяров и является главным оппонентом консула в сенате, а также резким критиком традиционалистов. Реформаторская, антимонархистская партия Лодия в последние годы пользуется большой поддержкой населения Турая. Вследствие этого правители города ненавидят его. Могу лишь предположить, что его присутствие здесь объясняется попыткой властей объединить нацию перед лицом кризиса.

Мне и самому Лодий не очень нравится. Он постоянно твердит о том, что нужно более справедливо распределять богатство города-государства. Я бы, конечно, не прочь, чтобы кое-что из казны попало и в мои руки, но всегда считал Лодия человеком, который готов говорить что угодно, лишь бы дорваться до власти. Не сомневаюсь, приди он к власти, весь этот треп о демократических реформах будет тотчас забыт. Кроме того, сенатор путем шантажа заставлял меня в прошлом году помогать ему, а Фраксу не нравится, когда его шантажируют. Лодия сопровождает Риттий, который является его политическим союзником. Риттий ненавидит меня больше всех в городе.

Как-то странно себя чувствуешь на таком собрании. Я никогда раньше не состоял ни в каких комитетах. Мне это против шерсти. Однако ввиду остроты момента и опасности, с которой мы столкнулись, я на время забываю о своем недоверии к городским властям. Мне даже удается исполнять приказы префекта Дриния, не оскорбляя его при этом, однако, слушая, как префект Ризий бубнит что-то о возможностях хранения зерна в Храме Нефритовых Полей, я начинаю с нетерпением ждать окончания собрания. Организация защиты города, разумеется, чрезвычайно важна, но все это сильно действует на нервы.

Пока префект Дриний читает доклад о наличии сырья для изготовления оружия – за ним последует еще один доклад о возможностях королевского арсенала, – я начинаю клевать носом и должен постоянно сосредоточиваться, чтобы не заснуть. С нетерпением жду перерыва, когда можно будет перекусить. По моим расчетам, вот-вот должны подать обед. К несчастью, Цицерия не удовлетворяют некоторые аспекты доклада Дриния. Следует череда вопросов, на которые префект дает пространные ответы. Я вздыхаю. В прошлый раз я сражался на войне, но не участвовал в ее планировании. Даже вообразить себе не мог, что это так скучно.

Начинаю мечтать о еде. Ее доставят, как мне удалось узнать от обслуги, через заднюю дверь на нескольких тележках. Будут ли это куски говядины и оленины? Или просто набор из разнообразных сластей, которые так любят в кабинетах консула? Будем надеяться на что-то посущественнее. Не то чтобы я не любил выпечку, но ее явно недостаточно, чтобы насытить мужчину, который в течение нескольких часов слушал сообщения о всяких там акведуках. Я подозрительно осматриваюсь по сторонам, пытаясь определить, кто еще может внезапно кинуться к еде. Не допустил ли я тактическую ошибку, сев в середине зала? Префект Гальвиний, который сидит прямо за мной, славится своим аппетитом, равно как и его помощник. Оба выглядят довольно голодными и занимают удобную позицию для стремительного рывка к тележкам с едой. Если они доберутся до съестного первыми, там уже мало что останется для остальных. Я ругаю себя за невнимательность и начинаю отодвигать свой стул назад. Если префект Гальвиний полагает, что ему удастся опередить меня, то он сильно ошибается. Я и не таких умников обставлял, когда дело касалось поедания кондитерских изделий.

– В следующем месяце в это время у нас будет по меньшей мере сто тонн железной руды на…

Помощника консула обрывает на полуслове стук тележек, которые вкатывают в зал. Я вскакиваю и бросаюсь к ним, прежде чем кто-то сообразил, что происходит. Гальвиний видит это и делает отчаянное усилие встать со стула, но я по ходу движения толкаю его и наступаю на ногу помощнику. Они совершенно сбиты с толку и топчутся на месте. Я первым добираюсь до тележки и хватаю толстый кусок оленины, бросаю на свой поднос несколько булочек, после чего беру то, что могу унести.

– Ты неотесанный грубый остолоп!… – шипит Гальвиний, появляясь у меня за спиной.

– Время-то военное, – отвечаю я. – Надо быстро включаться в боевые действия.

В целом моя миссия удалась, и я покидаю тележку с тяжелым подносом, заваленным едой, в то время как отставшие неудачники только-только приближаются к ней. Именно благодаря таким резким броскам Фракс непобедим на поле битвы. Я оказываюсь рядом с помощником консула Цицерием и радушно приветствую его.

– Быстро же вы научились пользоваться гостеприимством консула, – сухо заявляет он.

– Когда наступает кризис, я знаю, как действовать.

Цицерий смотрит на меня с неприязнью.

– Мне пришлось прервать речь.

– И такую интересную речь. Я почитаю за честь состоять у вас на службе.

Извиняюсь и иду к своему месту, опустив голову и не глядя на присутствующих. По правде говоря, они тоже игнорируют меня. Здесь я в компании людей другого класса, нежели тот, к которому принадлежу сам. Это очевидно. Большинство тут турайские аристократы в тогах, по сравнению с которыми моя простая туника выглядит совсем убого. У них короткие волосы и модные стрижки. Мои же патлы свисают по спине. Их речь более изысканна, а манеры куда утонченнее. Само мое имя – Фракс – выдает во мне простолюдина.

Только по некой иронии судьбы я добился своего настоящего положения.

Оленина просто замечательная, да и пирожки отличные. Кто бы ни готовил для кабинета консула, он хорошо знает свое дело. Этот человек делает честь городу. Еда такая вкусная, что я просто потрясен, когда, начав есть сдобу, вдруг обнаруживаю, что ее плохо пропекли. Тесто внутри сыровато, как будто его недостаточно долго держали в печи. Пожимаю плечами и отодвигаю булочку на край тарелки. Даже у самого лучшего повара случаются проколы. А может, за плохое качество несет ответственность его помощник. Впрочем, другие кондитерские изделия вполне соответствуют норме, и я забываю о своем мимолетном разочаровании.

Цицерий и Хансий стоят у тележки с видом людей, опоздавших на праздник жизни. Из еды осталась только пара пирожков. Цицерий старается сохранять чувство собственного достоинства, притворяясь, что ему все это безразлично, но я уверен, он был бы не прочь отведать оленины или копченой рыбы. Она, кстати, превосходна. Говорю вам как человек, который, как правило, не ест много рыбы. Но если ты в чужом доме, довольствуешься тем, что предлагают.

Только я собираюсь спросить кого-нибудь из подавальщиков, есть ли у них пиво, как в комнату входит сам консул, и мне приходится встать, дабы выразить ему свое уважение. Городские префекты – Гальвиний, Дриний, Ризий – сразу же окружают его. Наступает минута неловкости, когда консул поворачивается и видит перед собой сенатора Лодия. После небольшой заминки вежливо здоровается с ним. Принимая во внимание то обстоятельство, что Лодий в сенате неоднократно обвинял консула в разных грехах в течение всего последнего года, далось это ему нелегко. Лодий, возможно, тоже старается не раскачивать лодку в такое грозное время и вежливо отвечает на приветствие консула.

Калий отходит назад, чтобы поговорить с Цицерием, оставляя префектов в компании Лодия. Известно, что Гальвиний и Дриний – оппоненты Лодия, хотя префект Ризий в последнее время, кажется, проявляет симпатии к партии популяров. Вновь наступает некая нелов-

кость. Гальвиний теребит в руках свиток, Риттий почесывает голову, но, в общем, они ведут себя вполне пристойно. Никто не желает быть обвиненным в расколе, даже Лодий с Гальвинием, которые затеяли между собой тяжбу по какому-то запутанному делу о мошенничестве. Пытаясь выглядеть цивилизованным, сенатор Лодий заходит так далеко, что предлагает Гальвинию угощаться из его серебряной тарелки. Префект принимает предложение и берет маленькое печенье. Впечатляющее зрелище – национальное единство становится главной темой дня.

Префект Гальвиний поворачивается к помощнику консула сенатору Беварию, и тут вдруг лицо его наливается краской, префект хватается рукой за горло, как будто ему трудно дышать. В комнате наступает мертвая тишина, все смотрят на префекта. Гальвиний медленно опускается на пол, Дриний бросается к нему.

Я тоже спешу к месту происшествия, причем у меня сильное подозрение, что Гальвиний не просто поперхнулся. Рассмотреть его за спинами префектов и преторов трудно, однако, глядя на то, как лицо его становится зеленым, а глаза вылезают из орбит, можно с большой долей уверенности утверждать, что Гальвиния отравили. Люди взволнованно кричат, зовут лекаря. Я прокладываю дорогу к префекту. Гальвиний уже в агонии. Еще несколько минут он вздрагивает, потом замирает. Доктор не потребуется – префект мертв.

В комнате воцаряется хаос. Кто-то взывает к помощи, в то время как другие проталкиваются к бездыханному распростертому на полу телу, как будто их присутствие может чем-то помочь мертвецу. Я отступаю назад и осматриваюсь по сторонам. Единственный человек, который остался на месте, это Лодий, который и угостил префекта. Я пересекаю комнату, приближаюсь к нему и смотрю сенатору прямо в глаза. Судя по ошарашенному взгляду Лодия, он глубоко потрясен. Может быть, даже испуган.

– Лодий, что вы думаете о случившемся?

Лодий непонимающе смотрит на меня. Я трясу его за плечо, и он, кажется, приходит в себя.

– Лодий, где вы взяли эту чашу?

– Уберите руки! – кричит он.

Прежде чем я могу ответить, между нами появляются два стражника в форме. Комната быстро наполняется представителями Службы общественной охраны, что только увеличивает суматоху. Наконец над многоголосием толпы раздается громкий командный голос. Цицерий, лучший оратор в городе, говорит таким властным тоном, что в зале сразу же наступает тишина.

– Дорогу доктору! – произносит он. – Всем оставаться на своих местах до дальнейших распоряжений консула.

Это вызывает некоторый испуг. Высокопоставленные сенаторы и преторы не приучены, чтобы их подозревали в убийстве. Я-то не раз бывал в подобных переделках. В то время как другие мечутся туда-сюда, я спокойно сажусь на стул и жду дальнейших событий. Будет задано немало вопросов, и всем нам придется пробыть здесь довольно долго.

Глава седьмая

Турай и ранее не раз ввергался в состояние хаоса. Мы страдали от бунтов, эпидемий, нападений колдунов и наводнений, не говоря уже об актах гражданского протеста, которые происходят каждые два года в преддверии выборов. За последние несколько лет преступность во много раз увеличилась из-за роста торговли «дивом» – сильным наркотиком, который захватил весь город и способствует беспорядкам. И все же, сколько живу здесь, такого еще не было.

Префекты умирали на поле битвы или от разных болезней, но никто не помнит, чтобы они становились жертвами отравлений. Будучи префектом самого большого района города, Гальвиний являлся весьма важным чиновником, равняясь по чину чуть ли не претору. В каком-то смысле он был даже влиятельней любого претора, если принять во внимание богатство его избирателей. Убийство Гальвиния потрясло жителей. Правда об обстоятельствах отравления довольно быстро стала достоянием общественности. Вскоре весь город уже знал, что консул вызывал к себе должностных лиц, чтобы обсудить с ними план защиты города от орков. Разразилась паника. Газеты сообщали ужасные подробности. На улицах собирались толпы людей, и все сходились во мнении, что наступает конец света. Что ж, может, оно и так.

Покинуть консульские палаты мне позволили лишь в десять часов. Пришлось ответить на много вопросов. Хорошо хоть на сей раз я не попал в число подозреваемых. Три дня назад я с усердием проверял акведуки, однако, принимая во внимание тот факт, что скоро наступит конец света, лучше всего сидеть в таверне и пить пиво. Я послал короткое сообщение префекту Дринию и направился прямо в «Секиру мщения». День выдался тяжелый, да и погода стала портиться. Подбадривала лишь мысль о бутылочке кли, припрятанной в моей конторе.

Неприятности не ходят поодиночке. В конторе я обнаруживаю Макри, еще восемь женщин, множество свитков и вязкий аромат фазиса.

– Мы уже заканчиваем, – сообщает Макри.

– Заканчиваете? А что вы здесь вообще делаете?

– Читаем.

– Как вы смеете читать в моем кабинете! Разве ты не говорила мне, что такое больше не повторится?

– В булочной все еще нет места.

Я говорю собравшимся у меня женщинам, что мне наплевать на то, что в булочной им не хватает места. Моя квартира абсолютно не подходит для их занятий. Тут я замечаю на столе пустую бутылку.

– Мое кли!… Вы что, выпили мое кли?

Макри и не думает извиняться.

– Я просто проявила гостеприимство по отношению к моим гостям.

– Предложив им мое спиртное? Ты не подумала о том, что за него надо платить? А где мои пирожки и печенье? Вы съели их?

Я вдруг понимаю, что все смотрят на меня с явным неодобрением. Булочница Морикс поворачивается ко мне и довольно сурово заявляет:

– Женщины округа Двенадцати морей живут не только для того, чтобы печь вам пирожки, детектив. У нас есть и другие стремления. И мы будем претворять их в жизнь, несмотря на все препятствия.

– Препятствия? Это мне чинят…

– Ну точь-в-точь мой папаша, – говорит молодая гетерочка своей подруге. – Он вогнал мать в гроб раньше времени. Макри, если этот человек будет угрожать тебе, дай знать. Я сразу же пришлю сюда людей из нашей Гильдии, чтобы защитили тебя.

Женщины берут свои вещи и начинают одна за другой покидать комнату. Макри вежливо прощается с каждой из них и закрывает за ними дверь.

– Мне только что угрожали Гильдией гетер?

– Кажется, да. Тебе лучше поостеречься.

– Макри, это нужно прекратить. Я требую, чтобы ты больше не использовала мою контору для своих занятий.

Макри пожимает плечами.

– Хорошо. Мы пойдем куда-нибудь еще. Хотя не такое уж это для тебя неудобство. Мог бы и поддержать нас. Тебе ведь известно, что я нуждаюсь в деньгах. Я полагаю, что могла бы зарабатывать в таверне больше, если бы не помогала тебе заниматься сыском. И, конечно же, пришлось платить, чтобы мне наточили секиру, ведь она затупилась, когда я спасала тебя от…

Я поднимаю руку.

– Довольно шантажа! Просто найди другое место для своих уроков. Я с утра до ночи работаю как проклятый, мне нужно где-то отдыхать.

Макри зажигает еще одну палочку фазиса. Комната наполняется специфическим запахом.

– Я думала, ты будешь занят расследованием убийства.

– Никто не попросил меня об этом.

– Но ты ведь присутствовал при отравлении.

Макри все еще не совсем понимает, что я не веду дела ради собственного удовольствия. Я зарабатываю себе на хлеб.

– Никто не собирается нанимать меня для дела Гальвиния. Этим занята дворцовая стража и Служба общественной охраны.

– Я все еще в замешательстве. Почему существует два Гальвиния? – говорит Макри. – Разве префекта нашего округа зовут не Гальвиний?

– Ты говоришь о Дринии Гальвиний, кузене убитого. Все аристократы в родстве между собой.

– Говорят, это дело рук Лодия. Я признаюсь, что не уверен.

– Но ты ведь видел, как он угощал префекта.

Да, видел. Но не уверен, что сенатор Лодий собирался отравить Гальвиния. Если это так, то ему следовало быть более осмотрительным. Я не очень-то доверяю детективным способностям дворцовой стражи или Службы общественной охраны, но мне кажется, что они раскроют дело хотя бы потому, что ради такого особого случая употребят все силы и таланты придворных магов Турая. Волшебники иногда в состоянии заглядывать в прошлое, и хотя это весьма сложная штука, я не вижу причины, почему объединенные усилия Лисутариды, Хасия и Лания не смогут выявить преступника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.